

К ЮБИЛЕЮ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

УДК 821.161.1.09 (Мамин-Сибиряк Д.Н.) ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

Н.В. Пращерук
Екатеринбург, Россия

«РУДИН» 1880-Х: О РОМАНЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ИМЕНИННИК»*

Аннотация: В статье исследуется забытый роман Д.Н. Мамина-Сибиряка «Именинник» (1888). Анализируется проблематика романа, связанная с судьбами интеллигенции в эпоху 1880-х, выявляются типы героев, представленных писателем, основные черты поэтики. Позиция Мамина рассматривается в контексте русской литературной классики XIX века, в соотношении с тем, как понимали роль интеллигенции в современном мире и проблемы обновления русской жизни И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский. Выявляются типологические и структурные связи «Именинника» с романами «Рудин» и «Бесы».

Ключевые слова: Д.Н. Мамин-Сибиряк, забытый роман, типология героев, повествование, авторская позиция, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский

N.V. Prashcheruk
Yekaterinburg, Russia

A *RUDIN* OF THE 1880S: ON MAMIN-SIBIRYAK'S NOVEL "BIRTHDAY MAN" (*IMENINNIK*)

Abstract: The article focuses on D.N. Mamin-Sibiryak's forgotten novel *Birthdays (Imeninnik)* analyzing the novel's main narrative features, character types along with its subject matter connected with the destinies of Russian intelligentsia in the 1880s. Revealing typological and structural affinities of *Birthdays* with *Rudin* and *Demons*, the author considers Mamin's position in the context of Russian classical literature and in correlation with Turgenev, Saltykov-Shchedrin and Dostoyevsky's view on the role of intelligentsia in contemporary life and in the renewal of Russian society.

Keywords: D.N. Mamin-Sibiryak, forgotten novel, character typology, narrative, author's position, I.S. Turgenev, F.M. Dostoyevsky

Роман Мамина-Сибиряка «Именинник» был впервые напечатан в журнале «Наблюдатель» в 1888 году. В советское время опубликован в 12-томном собрании сочинений писателя под редакцией Е. Боголюбова, вышедшем в 1948–1951 годах. В 1989 году роман был издан в серии «Литературные памятники Прикамья» под редакцией, с комментариями и обстоятельной вступительной статьей крупнейшего исследователя творчества Мамина-Сибиряка И.А. Дергачева.

Известно, что писатель работал над «Именинником» два года – с 1885-го по 1887-й. Написанный в середине 1880-х, роман несет на себе «отпечаток» эпохи, которую современники называли эпохой «мелких идей и померкших идеалов»¹. Однако посвящен «Именинник» – 1870-м, когда русское общество живет великими чаяниями и надеждами на преобразование. Само заглавие романа, как указывает И.А. Дергачев, связано с тем, что «именинами» русского либерализма называли организацию земского самоуправления [Дергачев 1989: VI]. И в этом заключен своего рода парадокс, во многом опреде-

ливший специфический пафос романа. Временная дистанция – небольшая, но отмеченная столь резкими трансформациями общественных настроений – существенно повлияла на авторское видение представленных событий и героев из недавнего прошлого. Для романа в целом характерен неустойчивый, очень подвижный идейно-эмоциональный тон, определяемый странной смесью различных состояний: надежды, воодушевления и одновременно тоски, обреченности, тупика. Такая сложность авторской позиции – недавняя эпоха реформ через призму 1880-х – обусловила не только общую интонацию «Именинника», но и тип главного героя, предложенного писателем, во многом неожиданно трагическое решение его судьбы.

Роман относится к числу забытых произведений русской литературы: он не вызвал большого читательского интереса, не получил и обстоятельного литературоведческого осмысления. Самыми авторитетными источниками для изучения романа являются исследования [Дергачев 1989; Дергачев 2005: 175-182; Щенников 2002].

Роман основан на реальных событиях, в нем рассказывается о введении и деятельности земства в Прикамье. Прототипом главного героя Павла Васильевича Сажина был председатель земской управы Перми Дмитрий Дмитриевич Смышляев, на что указал сам Мамин в одной из записных книжек². Действие разворачивается в городе Мохове, и это

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Соглашение № 14.А18.21.0999.

¹ В статье к роману И.А. Дергачев приводит такую оценку эпохи 1880-х, данную критиком демократического журнала «Дело» Б. Ленского (Б. Онгирского): «Личность ниоткуда не слышит ободряющего призыва и чувствует себя подавленной и удрученной сомнениями в своем социальном призвании и исторической роли» [Дергачев 1989: VI]. Роман цитируется по изданию [Мамин-Сибиряк 1989] с указанием страницы в тексте статьи.

² Этот факт со ссылкой на архив В.А. Гольцева отмечен [Дергачев 1989: VI].

«обычный для писателя псевдоним Перми» [Дергачев 1989: VIII]. И.А. Дергачев выявил и обозначил, как он сам замечает в своей статье, «много точек схождения» в судьбах маминского героя и его прототипа³. Путь Сажина с его взлетами и разочарованиями во многом схож с судьбой известного земского деятеля. Исторический Д. Смышляев, как и романский герой, вызывал поначалу у земляков восхищение, его идеи поддерживались, с ним связывались надежды на преобразование. Административная деятельность Смышляева получила всероссийское признание. Сборник «Пермский край», изданный им, был назван Н.А. Добролюбовым в журнале «Современник» образцовым исследованием края. Однако, переизбранный на второй срок, Смышляев вызывает все большее недовольство. Его критикуют за большие расходы на поддержание Сибирского тракта, за увеличение жалования членам управы, с ним конфликтуют врачи, возмущенные усилившимся контролем за их деятельностью. Освещая судьбу пермского земца, И.А. Дергачев заключает: «В январском номере журнала “Слово” за 1879 год появилась статья “Земская смышляевщина”, где вся деятельность Смышляева подвергалась критике. Автор ее сделал фамилию председателя пермской губернской управы нарицательным именем и писал обобщенно о “земских смышляях”. Как и герой романа Сажин, Смышляев сложил полномочия до срока» [Дергачев 1989: X].

Вместе с тем исследователи справедливо и единодушно отмечают, что «нельзя проводить полную аналогию между героем романа – человеком хотя и одаренным, но слабым волей и духом – и его жизненным прототипом» [Щенников 2002]⁴. Перед нами художественное произведение, которое, несмотря на исторические и фактические параллели, создано по своим собственным законам, подчиняется своей, внутренней, логике развертывания сюжета и изображения характеров.

Г.К. Щенников относит «Именинника» к романам Мамина «второго ряда», поясняя при этом,

³ «Город Мохов – обычный для писателя псевдоним Перми. Открывается земство, проходит губернское собрание гласных, на котором председателем управы избран герой романа Павел Васильевич Сажин. В Перми 11 августа 1870 года в эту должность вступил Д.Д. Смышляев, указанный автором в качестве прототипа Сажина. В биографии типа и прототипа много точек схождения. Разумеется, нельзя считать роман художественной биографией известного пермского деятеля... Однако и исторический Д. Смышляев, и романский герой Сажин были из купеческого рода. Оба они порвали с коммерческими и заводскими делами своих отцов. Оба бывали за границей. В черновиках романа пребыванию героя за рубежом придан особый смысл, говорящий об интересе его к передовым идеям. В окончательном тексте об этом не говорится. Смышляев был за границей дважды... События общественной жизни, в которой участвуют литературный персонаж и его прототип, во многом очень близки. Выступления Сажина, как и речи Д. Смышляева... вызывали восхищение публики, а его идеи находили поддержку... Его хвалили за изменение раскладки земских сборов... Он сделал многое для развития медицинской и ветеринарной помощи в деревне. Его переизбрали, как и Сажина, на второе трехлетие, и именно тогда на его долю выпадают испытания... Как и герой романа Сажин, Смышляев сложил полномочия до срока...» [Дергачев 1989: IX–X].

⁴ Об этом пишет и И.А. Дергачев: «Разумеется, нельзя считать роман художественной биографией известного пермского деятеля...» [Дергачев 1989: VIII].

что «невнимание к ним вызвано, по-видимому, не столько тем, что они художественно слабее известнейших шедевров... сколько отказом от своеобразной уральской проблематики: автор обращается к тематике традиционной – идейным исканиям интеллигенции и ее деградации под властью капитала, нравственному воспитанию молодежи и т.п.» [Щенников 2002: 30]. «Именинник», как и типологически сходный с ним роман «Без названия», следует, по мнению ученого, отнести к группе произведений об общественных исканиях интеллигенции. В этих романах – справедливо отмечает исследователь – «автор следует общему принципу своего творчества – изображению людей в их повседневной практике. А сама социальная практика, разумеется, новейшая: деятельность губернского земства (“Именинник”), эксперименты по созданию артелей равноправных пайщиков (“Без названия”))» [Там же]. Другое дело, что при всей радужности первоначальных надежд и честности стремлений Сажину не удалось сделать что-либо значительное.

Закономерно, что в критической литературе маминского героя сравнивали с Рудиным. Такое сравнение, вероятно, во многом формировало и авторское видение персонажа: не случайно писатель предполагал первоначально назвать свой роман «Человек слова». Однако этот заголовок был изменен. Художник, по всей видимости, не хотел, чтобы читатель был в плену невольных сопоставлений с тургеневским персонажем и, снимая столь явную подсказку для понимания своего героя и романа в целом, полагал, что, если его Сажин и является «вторым» Рудиным, то это уже совсем иной Рудин, Рудин 1880-х.

Действительно, если сопоставлять героев и романы, то становится очевидным, что Мамин, создавая «Именинника», изначально «смещает» проблематику, расставляет иные акценты. Так, Тургенев, проводя идею социальной нереализованности Рудина, фактически не изображает его деятельности непосредственно, мы узнаем о ней только в косвенной передаче: в рассказах самого героя о своих неудачах (разговор с Лежневым), или в интерпретации других действующих лиц. Более того, знакомство с Рудиным, как мы помним, начинается в салоне М.Д. Ласунской, затем он останавливается в ее доме, в этой семье, находясь, если можно так сказать, «на отдыхе», в состоянии, предвещающем его попытки найти то дело, которому бы он служил. На первый план выдвигается ситуация, обозначенная Н.Г. Чернышевским, – человек не на служебном поприще, а «на randevu». Мамин-Сибиряк, напротив, с первой же страницы включает читателя непосредственно в атмосферу общественной жизни. Роман начинается динамичной и в то же время информативно-конкретной фразой, точно указывающей время и место действия: «В конце шестидесятих годов в бойком провинциальном городе Мокове было открыто первое земское собрание» [Мамин-Сибиряк 1989: 38]. Далее речь идет о подъеме общественных настроений, о надеждах жителей, связанных с вновь образованным земством. Мамин

интересен здесь как социальный психолог – его персонажи представляют различные общественные группы и через их отношение к земству раскрывается весь спектр общественных ожиданий. Один из главных персонажей, воодушевленно относящийся к переменам, – мещанин, мелкий служащий, старичок с говорящей фамилией Пружинкин. Это добрый, наивный, может быть, даже ограниченный, но искренний, чистый сердцем человек, стремящийся участвовать в преобразованиях жизни. Так, он помогает организовать школу в бедном и социально неблагополучном районе Тербиловке. И именно его восприятие земских заседаний, вероятнее всего, определяет тот оценочный ракурс, в котором читателю предлагается рассматривать то, о чем рассказывается в романе: «...Все это было так ново и так умиляло мещанское сердце Пружинкина. – Нет, уж теперь шабаш... Конец темноте!.. – шептал он, охваченный неиспытанными еще чувствами. – Нет, не старые времена... кончено!... Пойдите, брат...» [Там же: 35]. Очевидно, что его чувства передают состояние многих честных людей того времени, которые искренне верили в возможность преобразований. Повествователь достаточно приближен к герою, находится во многом в «поле» его оценок и переживаний. Не случайно прямая речь, передающая мысли Егора Андреевича, часто чередуется с формами несобственно-прямой речи, в которых точка зрения героя усложняется, драматизируется уже собственно авторским видением, «проступающим» сквозь суждения повествователя: «Широкое и благообразное лицо Пружинкина даже краснело от волнения, и он начинал поправлять туго намотанную на шею шелковую косынку, которая его душила как удавка. Кроме торжественной обстановки, его занимали больше всего гласные: не угодно ли? – самые простые мужики и мещане, а сидят рядом с чиновниками и дворянами. И каждый свой собственный голос может подать: не хочу, и всему делу конец... Да, он был счастлив этот мещанин Пружинкин, захваченный общей волной: ведь вот тут, сейчас, за решеткой, начиналось уже то хорошее, новое, к которому он прилепился всем своим мещанским сердцем. Все дела откроются перед публикой, и все пойдет «начистоту», а не по чиновничьим ямам и берлогам» [Там же: 35-36]. Любопытно дважды упомянутое «мещанское сердце» (есть и «мещанские слезы», и «скромная мещанская фигура», и «мещанские услуги»), показывающее, на мой взгляд, двойственное отношение автора к герою, поскольку социальная атрибутика в сочетании с общечеловеческими характеристиками воспринимается как знак, хотя и не вполне очевидный, некоей его личностной ограниченности. Во второй главе речь идет о том, что Пружинкин – «общественный человек», что также во многом знаменательно. Он, действительно, стремится к участию в общественных преобразованиях, пишет проекты, направленные на улучшение жизни. Между тем, очевидно, что проекты эти никогда не будут реализованы. Эта идея, на мой взгляд, намеренно и, вероятно, иронически заострена автором тем, что в одном из проектов речь идет о рентабельном использовании навоза.

Весьма показателен такой диалог Сажина и Пружинкина: «У вас какие-то проекты... да? – Да-с ... Обо всем есть, потому как всякий обязан свою лепту, например... А прежде всего, конечно, навоз, Павел Васильевич! Помилуйте, ведь скоро дохнуть будет нельзя: со всех сторон Мохов-то обложили навозом, а от него выделяется аммиак, одним словом, всякий вред-с. Между тем в навозе мы теряем целое богатство: приготавливать туки, выделять селитру, да мало ли что? – Это, видите ли, относится к городу, а не к земству...» [Там же: 81]. При всей вероятной разумности доводов Пружинкина в его рассуждениях есть преувеличение, создающее, как мне кажется, отчасти трагикомический эффект. Справедливости ради следует указать, что во многом благодаря усилиям Пружинкина и при его непосредственном участии в Тербиловке создается школа. Однако справедливо и то, что практически все душевные силы этого человека уходят на восхищение Сажиным, он живет этим восхищением и ожиданием, когда его кумир воплотит в жизнь самые смелые его проекты. После катастрофы, когда Сажин провалился на выборах и подвергается настоящему остракизму со стороны моховского общества, Пружинкин один из немногих остается ему предан, терпеливо хранит надежду на возобновление общественной карьеры своего героя, по-человечески ему сочувствует. Мамин создает довольно любопытный образ. Это образ, если воспользоваться известной метафорой, – «ветошки без амбиции». Перед нами особый потомок «маленького человека». В своем самоуничтожении, самоуменьшении он как будто совершенно «стусевывается», растворяясь в других, забывая о себе. Это очень хорошо раскрывается на протяжении всего романа, в том числе, и его речью. В поведении и характере Пружинкина есть что-то граничащее с утратой своего «я»: «ветошка без амбиции» плюс «человек на побегушках» в одном лице, что, кстати, подчеркнуто фамилией – Пружинкин. Сравните, например, такие его переживания, переданные в форме несобственно-прямой речи: «Пружинкин не замечал ничего, счастливый своим рабством. Что он такое, в самом деле? Червь, козявка, пыль, – а с какими людьми сообщение имеет! ... Генеральшу даже провожал два раза в театр и в санях с ней рядом ехал» [Там же: 133]. Но вместе с тем – нет ли в этом герое настоящего смирения, составившего сокровище его души и выгодно его отличающего практически от всех других персонажей романа. Мне кажется, автор так и не нашел ответа на этот вопрос, и потому Пружинкин со своей редкой для героев 1880-х годов кротостью вызывает сложное впечатление.

Главный герой – «именинник» Сажин изображен как земский деятель. В данном случае исследователь работает в русле идей М.Е. Салтыкова-Щедрина об исчерпанности любовного романа и о необходимости развивать жанр общественного романа, поскольку с его точки зрения, читателю может быть интересен герой прежде всего как деятель – «на службе, в библиотеке, в публичном месте» и т.п. Если, создавая образ Пружинкина, автор специально не акцентировал его психологической сложности, то

в Сажине, напротив, изначально подчеркивается двойственность его натуры. Полное имя героя уже само по себе несет семантику внутренней противоречивости: Павел означает малый, Васильевич от Василий – царственный, а фамилия определенно воспринимается как знак уже перегоревшего (перегоревшей души!). Эта тема двойственности, внутреннего разлада последовательно проводится автором на протяжении всего романа. Так, с одной стороны, говорится о том, что «Сажин верил в свою миссию <...> В нем нарастала земская сила и заключались надежды будущего» [Там же: 72, 73]. А, с другой стороны, автор, словно не оставляя герою никакого шанса для осуществления надежд, наделяет его «безжизненным лицом и вялыми движениями»: «Это был худой высокий господин с длинным безжизненным лицом и вялыми движениями. В заседания он являлся в каком-то гороховом пиджаке и пестром галстуке; держал себя очень рассеянно и со стороны мог показаться чудачком. Зато говорил Сажин замечательно хорошо...» [Там же: 36]; «Его безжизненное лицо оживлялось, зеленоватые глаза блестели, и он любил рассуждать, шагая по комнате и заложив руки в карманы брюк» [Там же: 72]. Даже в финальных сценах романа, когда появляется реальная надежда на благополучный исход, на возможность возрождения, автор остается верен своему видению героя и дает пространную характеристику его внутреннего состояния: «Ему было жутко и хорошо. Он сравнивал себя с нею и мучился угрызениями совести. Что он такое? Может ли он вознаградить хоть сотой долей за это налетевшее счастье? В ней каждое движение так просто и естественно, как в растении: нет ни одной фальшивой ноты или вынужденного штриха, а он полон мучительной раздвоенности и сомнений. Каждый шаг вперед выкупался внутренним разладом и разными побочными внушениями. Не было этой цельности и крепости чувства. И теперь, когда замер шум ее шагов, Сажин вдруг почувствовал поднимавшееся в глубине души знакомое чувство, и его душой овладевал страх... Как она посмотрит на него, когда первый пыл страсти минует» [Там же: 248]. И когда он уходит, чтобы принять окончательное решение, – «с опущенной головой, какой-то расслабленной, колеблющейся походкой» – совершенно очевидно, что в перегоревшем сердце героя с говорящей фамилией Сажин уже не осталось источников для живой жизни. Финал предрешен.

В красноречии маминского героя, которым он, главным образом, и очаровал окружающих, угадывается прямая параллель с Рудиным. Подобно герою Тургенева, говорившему «умно, дельно, горячо», Сажин говорит «просто, ясно, убедительно». Правда, в отличие от Рудина, как уже отмечалось ранее, он показан «при исполнении» общественных обязанностей, а не в светском салоне. Но сама сцена земского заседания выстроена таким образом, что возникают прямые аналогии с «Рудиным». В этой сцене, как и в романе Тургенева, сведены практически все персонажи, и они представлены в отношении к Сажину, находятся под обаянием его личности. Обожание доходит до идолопоклонства, на что

прямо указывается в тексте: «Когда Сажин появлялся в салоне генеральши, это было настоящим торжеством. Все ухаживали за ним, а дамы преследовали тем вниманием, которое самым умным людям кружит голову. Это идолопоклонство всегда действовало на Анну Ивановну самым неприятным образом...» [Там же: 118]. «Да бабы возмутительны!.. Все раскисли... Вы замечаете, что все они влюблены в этого Павла Васильевича? Уверяю вас... Толстуха Клейнгаус так и покраснеет, как свекла, когда с ней заговорит наш идол...» [Там же: 121] – замечает одна из героинь докторша Глюкозова. Спроецирована рудинская «профильная» ситуация, и далее эта ситуация будет разворачиваться в романе. «Профильность» персонажей является, с одной стороны, одним из главных средств раскрытия характера главного героя – Сажин в оценках окружающих, а с другой, – это своеобразный ключ к пониманию и того, кто оценивает, поскольку сама оценка Сажина, отношение к нему – прекрасный способ репрезентации того или иного персонажа. Так, Пружинкин беззаветно служит Сажину, растворяется в своем кумире, а на Анну Ивановну, напротив, «идолопоклонство всегда действовало... самым неприятным образом». Как будто бы точно характеризует феномен личности маминского героя старообрядка Марфа Петровна, называя его именинником: «Краснобайничать Павел Васильевич мастер, да толку из этого никакого не выйдет. <...> Летать твой Павел Васильевич летает, а садиться не умеет. Из-за чего он язык-то треплет? Ежели бы чин какой заслужил, медаль на шею, ну, хоть бы светлые пуговицы, а то ведь совсем зря болтается. Да и просто уж очень у вас все: поговорил, поболтал, а оно все и сделается само, как по писаному. <...> И ездят смотреть как на именинника! – Это кто ж именинник-то? – А все он же, Павел Васильевич твой...» [Там же: 56-57]. Верность этого суждения, действительно, словно подтверждается в романе многими отсылками к этой характеристике, в том числе и самооценкой Сажина, например, в диалоге с Анной Ивановной: «...Нет почвы под ногами и не за что ухватиться, когда в самом себе чувствуешь эту роковую раздвоенность. Посмотрите, сколько на Руси толпится совершенно не нужных людей, и при том это не какие-нибудь обсевки, а самые способные и талантливые... Это наше специально-русское явление. – Трагические люди, как называет Прасковья Львовна... – Именно... хотя, по-моему, вернее было бы назвать их именинниками. Это очень меткое слово, лично для меня имевшее роковое значение... У нас в каждом деле так: сначала именины, а потом тяжелое похмелье» [Там же: 236]. Однако очевидно и то, насколько разнятся эти высказывания по своему содержанию. При всей прозорливости Марфы Петровны и меткости найденного ею слова – принадлежащее ей суждение о Сажине все же в большей степени раскрывает именно ее характер, властный и жесткий, ее в чем-то, безусловно, справедливый, но достаточно примитивный, плоский взгляд на мир. Всех ближе к разгадке личности Сажина любящий его человек, способный понять и простить его. Это Анна Злобина, характер которой раскрывается также через от-

ношение к Сажину. Следовательно, создавая «Именинника», Мамин не только ориентировался на рудинский тип личности, он по-своему «наследовал» саму структуру моноцентрического романа с системной «профильной» расстановкой персонажей [см.: Маркович 1984].

При этом следует иметь в виду и то, что своеобразии «Именинника» связано не только и не столько с тургеневской традицией. Роман несет на себе трагическую печать 1880-х. Более того, структурный принцип организации текста, а также разговоры о нигилистах, изображение «кружковой» деятельности с играми в издание своей газеты, с обсуждением, казалось бы, насущных социальных проблем – словом, изображение общественной активности, которая не приводит ни к чему, кроме разочарования и пустоты на душе – все это прямо отсылает нас к «Бесам» Достоевского. Мамин достаточно подробно описывает два кружка, находящиеся после любовного конфликта якобы в оппозиции по отношению друг к другу, – сажинский кружок «молодого Мохова» и кружок-салон «грезовской генеральши» Софьи Мешковой. Их деятельность – «кипение в действии пустом». Сатирическое отношение автора к моховским общественным деятелям подчеркивается «опереточной» фигурой губернатора, благоволившего «протестовавшим элементам», «снисходительно заигрывавшего» с ними: «Собственно говоря, времена были самые либеральные, и предрезающая власть даже снисходительно заигрывала с протестовавшими элементами. Притом губернатор от природы был добродушный малый и больше всего на свете интересовался театральными делами... За моховским губернатором даже установилась специальная кличка опереточного губернатора... Либерализм этого моховского губернатора простирался до того, что он подавал руку даже Щипцову, когда тот сделался редактором «Моховского Листка», и милостиво выслушивал скабрзные анекдоты Ханова, когда тот являлся на гулянье в своем официальном звании «дяди» [Мамин-Сибиряк 1989: 152-153]; «Мы вас подозреваем, наша дорогая Софья Сергеевна, – говорил обыкновенно губернатор и сладко прищуривал один глаз, как пообедавший старый кот. – Да... Вы устраиваете у себя очаг революции. – Представьте, а я и не подозревала, что это так опасно! – кокетничала генеральша. – Но вы сами по себе опаснее всякой революции» [Там же: 151-152]. Возникают аналогии с семейством фон Лембе из «Бесов», «близорукостью» губернатора и преступной наивностью Юлии Михайловны. Конечно, в романе Мамина нет такого трагически-кровавого развития событий, как в «Бесах». Но в отношении к либеральному движению и содержательно, и интонационно он близок своему предшественнику. Не случайно крах карьеры Сажина сопровождается усилением борьбы политических партий, жесткой, обнажающей человеческие пороки и меркантильные интересы. Эти партии резко сатирически, по-салтыковски – именуются «староновозной» и «новоновозной». Тон повествования становится констатирующе – нейтральным, что усиливает сатирический эффект и одновремен-

но придает скрытый драматизм, трагизм происходящему. В данном случае имеет смысл говорить об уроках Салтыкова-Щедрина: его размышлениях о «шутовских трагедиях», которыми изобилует русская жизнь [Салтыков-Щедрин 1988: 155], и о сходной позиции Достоевского по отношению к сатире, которую он блестяще реализовал в «Бесах».

Заслуживают особого внимания в этом контексте неожиданный образ священника-философа, как его называют в романе, отца Евграфа и его суждения, которые он высказывает в разговоре с Анной. В этих суждениях, как мне кажется, обозначена мысль, очень близкая пафосу «Бесов» и свидетельствующая о том, насколько в своих предвидениях и оценках Мамин оставался в русле исканий русской классики. Это мысль о том, что никакими внешними изменениями не улучшить человека, не сделать его нравственнее, добрее, а, значит, и в целом, мир – не станет лучше, если увеличивать только «насущные земные блага». Обращаясь к героине, о. Евграф рассказывает о том, как спокойно умирала бедная женщина, а затем продолжает: «Теперь вот вы, например, так полагаете: будет у вас хлеб, будет кров, будет необходимое одеяние, одним словом, насущные земные блага, и сейчас будут все счастливы?... Не так ли, сударыня? <...> И в этом вы видите цель своей деятельности, а просвещение косвенно или прямо ведет к тому же. Если человек сыт, он не пойдет воровать; если у человека тепло и уютно, он не пойдет в праздничное время по кабакам – другими словами, сытая и довольная жизнь сама устранист всякие преступления... Так гласит наука о цивилизации и так говорит господин Бокль. Прогрессируют научные истины, а нравственность одна и та же от самых глубоких времен, и ни одной иоты никто еще не прибавил в ее кодекс. <...> Отчего же теперь в хороших домах, где и сыто и одето – отчего туда вкрадывается скорбь и льются напрасные слезы? <...> А следует то, с чего мы начали: бедная и простая женщина умирает со спокойной совестью, а мы будем думать, что если у всех будет тепло, то и хорошо. Внешнее еще не дает внутреннего, и, может быть, мы идем помогать людям, у которых нам самим следовало бы просить помощи...» [Мамин-Сибиряк 1989: 149]. Как тут не вспомнить сказку Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть» или известное суждение Достоевского: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человеке глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая остается та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределимы и таинственны, что нет еще ни лекарей, ни даже судей окончательных...» [Достоевский 1980: 140]. Закономерно, что итог всему рассказанному в романе подводит именно о. Евграф своей емкой по смыслу финальной фразой: «О. Евграф, навещавший «учительш», задумчиво замечал: «Что же? Могий вместити да вместит!...»» [Мамин-Сибиряк 1989: 256].

Переключки с «Бесами» можно обнаружить не только в изображении Маминым общественно-

политической борьбы и в его отношении к материалистическим идеям. При всем различии двух романов – финал «Именинника», а точнее финал жизни его главного героя явно отсылает нас к произведению Достоевского. Роман Мамин завершается самоубийством Сажина, который, подобно Ставрогину, отказывается от попытки вернуться к жизни, потому что понимает правду про себя – жить уже нечем, душа выжжена и возрождение невозможно. В таком контексте особое значение приобретают и авторские «подсказки», а именно – тема «безжизненности», лейтмотивно проведенная в описаниях внешности героя через весь роман. Эта тема прямо перекликается с портретом Ставрогина – его сравнением с восковой фигурой и проч. А безлюбная связь Сажина с генеральшей определенно напоминает моральные эксперименты героя «Бесов». Мамину, по всей вероятности, близка и суть отношения к Ставрогину других персонажей романа. Суть эта может быть вполне охарактеризована понятием «идолопоклонство». «Идол в мире ничто» [1 Кор. 8, 4], – говорит апостол Павел. Итог жизненного пути Сажина – подтверждение истины, провозглашенной апостолом. Другое дело, что в отличие от предшественника писатель далек от религиозной метафизики. Его искания ограничены скорее вопросами этического характера, связанными с представлениями о необходимости преобразования общественной и частной жизни русского человека. Поэтому он оставляет своих героев преимущественно в сфере социально-психологической. Между тем, как все русские классики, Мамин-Сибиряк прекрасно понимает и то, как русский человек страдает от бессмыслицы жизни, понимая, что нужно не просто жить, а жить для чего-то.

Отлученный от дел, замкнувшийся в себе Сажин на несколько лет становится притягательным для «таких же выкинутых за борт людей». Он, образованный моряк Окунев, вынужденный бросить карьеру и «закупорившийся навсегда в Мохов», полиглот и талантливый математик Корольков, «постепенно превратившийся в настоящую архивную крысу», составляют кружок, жестко называемый в романе кружком «никому не нужных людей». Собираясь вместе у Сажина и ведя разговоры о музыке, науке и других отвлеченных предметах, эти люди стремятся не только «совершенно отрешиться от «современной действительности», но, что значительно драматичнее – от живой жизни вообще. Поэтому-то такое раздражение и вызывает у Окунева Анна, появившаяся вдруг в мире Сажина, который после перенесенной болезни ощутил в себе некоторое движение жизни, связанное с воспоминанием о прошлой любви к ней. Однако это движение оказывается слишком слабым, чтобы противостоять тем необратимым изменениям, которые произошли с героем и о которых он знает сам. «Оказалось, что замкнуться в себе, в узкой среде, изолированной от мира интересов, страстей, нужд, чаяний, ожиданий других людей значит потерять себя как личность, со всем, что ей принадлежит, даже со способностью любить. Честность не позволяет ему связать жизнь Анны со своей» [Дергачев 1989: XVIII], – очень

точно поясняет исследователь сущность последнего выбора Сажина – не жить.

Талантливым, но не реализовавшим себя в той или иной деятельности людям, людям, отмеченным эпохой восьмидесятых, Мамин-Сибиряк противопоставляет другой тип личности – человека долга, обладающего самым необходимым, с точки зрения писателя, качеством – умением терпеть и быть верным себе. Такой тип личности, с которым, вероятнее всего, художник связывал свои представления об идеале, воплощен в женском образе – Анне Злобиной.

Мамин продолжает галерею замечательных женских образов. Свое представление о роли женщины он вложил в уста Сажину, который произносит в романе фразу, являющуюся, по существу, ключом к пониманию характера и судьбы Анны: «Меня больше всего радуют наши русские женщины. Ведь в них все наше будущее, потому что они сделаются воспитательницами будущих поколений. Как хотите, а первые детские впечатления – это святая святых человеческой души» » [Мамин-Сибиряк 1989: 155].

Анна происходит из раскольничьей среды, однако ее характер формируется скорее вопреки происхождению и воспитанию. Религиозность героини едва обозначена, главное в ней – чувство собственного достоинства, самостоятельность в выборе жизненного пути. Ей органически чужды ложь, лицемерие, ханжество, деспотизм, которые, как показывает Мамин-Сибиряк, являются основой уклада в ее доме. Там нет любви, тепла, уважения друг к другу. Безлюбные, холодные отношения с матерью раскрывают проблему разрушения семейных ценностей. Анна полюбила Сажина как человека значительного, достойного уважения, но ее чувство, честное и бескомпромиссное, подвергается тяжелому испытанию: любимый ею человек оказывается способен, не любя, вести любовную игру с другой женщиной. Это не сломало ее, не превратило в рабу обстоятельств. Однажды в разговоре с Сажиным Анна говорит о необходимости обретения «своей домашней маленькой правды»: «По-моему, нужно прежде всего установить свою домашнюю маленькую правду ... внешние формы придут сами» » [Мамин-Сибиряк 1989: 121]. В этих словах – своеобразная перекличка с рассуждениями о Евграфа о приоритете внутреннего, внутренней установки, совести и «самостоянья», которые только и могут спасти человека от саморазрушения, помочь ему преодолеть самые тяжкие испытания. В отличие от Сажина ей удастся справиться с горем (она не только несчастлива в своем замужестве, но еще и теряет своего ребенка) и начать жить снова, принося реальную пользу окружающим ее людям. Анна оставляет мать и мужа, становится учительницей. Роман завершается описанием, окрашенным эпической интонацией и размыкающим личную драму главной героини в пространство общей судьбы многих соотечественников: «Через год избушка Пружинкина на Дрекольной улице была снесена, а на ее месте вырос небольшой полукаменный флигелек в три окна. В нижнем этаже поселился сам Пружинкин с

глухой Антоновой и состарившимся Орликом, а вверху Анна Ивановна с Володиной – обе были преподавательницами в теребиловской школе. О. Евграф, навещавший «учительш», задумчиво замечал: «– Что же? Могий вместити да вместит!...»» [Мамин-Сибиряк 1989: 256]. Думается, что именно эти персонажи, нашедшие свою «маленькую правду» и закономерно соединенные автором в финале, сами по себе являются воплощением его жизненной и художественной философии.

Очевидно, что в образе Анны Злобиной можно усмотреть связь с тургеневскими героинями, с темой ухода из родного гнезда, разрыва с семейными традициями. Однако, в отличие от Тургенева, который намеренно создавал в своих произведениях высокий трагический и максималистский характер, Мамин – Сибиряк пытается увязать такой характер с текучей повседневностью, жизненной практикой многих русских людей.

Данные об авторе:

Наталья Викторовна Пращерук – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: pnv1108@gmail.com

About the author:

Natalya Victorovna Prashcheruk is a Doctor of Philology, Professor of the Russian Literature Department of the Ural Federal University (Yekaterinburg).

ЛИТЕРАТУРА

Дергачев И.А. Звено в цепи // Мамин-Сибиряк Д.Н. Именинник. – Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. V-XXXII.

Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1980. Т. 21.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Именинник. – Пермь: Кн. изд-во, 1989. (Сер. «Лит. памятники Прикамья»).

Маркович В.М. Между эпосом и трагедией (О художественной структуре романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Сб. статей ученых Ленинградского и Будапештского университетов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. С. 49-76.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Изд-во «Правда», 1988. Т. 8.

Щенников Г.К. «Второй ряд» романов Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2002. Вып. 5 (24). С. 29-39.